

Анатолий Чупринский

МОЦАРТ

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

МОЦАРТ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 59.

Моцарт! Светлый гений всего человечества. Человек необыкновенной судьбы, взлетов и падений на бытовом уровне, но никогда не претерпевающий неудач в своём непревзойдённом творчестве.

Автору, не ставившему перед собой задачи воссоздать полную биографию Моцарта, удалось сказать всё же о самом существенном, главном, удалось приблизить гения к нам. Вернее, нас приблизить к гению.

ISBN 978-5-901746-11-0

© ЧУПРИНСКИЙ А. А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Ребенок играл с солнечным зайчиком. Лежа в деревянной колыбели, он широко раскрывал беззубый еще рот и весело, залиvisto смеялся, пытаясь поймать лучик солнца. Отражаясь от раскрытой форточки, прямой и тонкий, лучик ерзал по колыбели взад-вперед, взад-вперед, в ритме порывов легкого ветра. Ребенок, подставляя ладошку, хлопал по ней другой, но зайчик соскальзывал на одеяло. Ребенок хлопал и по нему правой ручкой, потом левой, потом опять правой и так до бесконечности.

Хлопала раскрытая форточка. Прыгал по колыбели солнечный зайчик. С залиivistым смехом бесконечно ловил его ребенок.

Зальцбург довольно странный город. Широкие площади с фонтанами, монументальный собор в центре и тесные, кривые улочки. Колокольни церквей, башни монастырей и однообразные пятиэтажные дома. Простор и теснота. И погода под стать. То солнечное яркое утро, то вдруг налетит колючий ветер с дождем и снегом.

А над городом, на самой вершине горы, нависает мрачный средневековый замок. Как черный паук раскинул он свои нити-улочки по всему городу и опутал его невидимой паутиной.

На центральной площади вокруг фонтана резвилась, орава мальчишек. С визгами и криками играли в «догонялки». Хмурое небо было сплошь закрыто низко бегущими облаками. И вдруг из кирпичи, откуда-то сверху, понеслись могучие звуки органа. Один

из мальчуганов вздрогнул, будто его ударили, и застыл на месте.

В ту же секунду в просвете облаков возник прямой и безжалостный луч солнца. Он упал прямо на стоящего посреди площади мальчика. И только его одного высветил каким-то... фантастическим светом. Никто не обратил внимания на это совпадение. Кроме сестры малыша, стоявшей чуть в стороне.

Напрасно приятели пытались опять втянуть его в игру. Крики и тычки уже не могли вывести его из оцепенения. Многоголосое пение труб все нарастало. В глазах мальчика застыл восторг. Он так и стоял, как маленькое изваяние, пока не смолкли последние аккорды. Мальчугана звали Вольф.

Когда в семье Леопольда Моцарта, скрипача архиепископской капеллы появился клавесин, первой начали учить музицировать семилетнюю Нерл. Трехлетнему Вольфгангу оставалось только сидеть под дверью и слушать. Чем он и занимался. Сидел на полу и слушал.

Через несколько дней, когда родителей не было дома, Вольф вскарабкался на стул, поднял руки и... со всего размаху ударил обеими ладонями по клавишам.

В ту же секунду на его уши обрушился чудовищный, пронзительный звук! Будто одновременно взвыли все коты Зальцбурга!!! Вольф зажал ладонями уши и... упал со стула на пол. Впервые в жизни он потерял сознание.

Не успела прибежавшая Нерл испугаться, как он уже очнулся и опять вскарабкался на стул... И опять

потянулся к клавишам... Но на этот раз он осторожно, нежно... начал тыкать одним пальчиком по ~~клавишам~~... Потом еще одним... другой рукой... Из клавесина полились спокойные, мелодичные звуки... Бим... бом... бим... бом...

Из раскрытой форточки возник луч солнца. Он заскользил по клавишам... вправо... влево... бим... бом...

Трехлетний Вольфганг смеялся беспечным, залившимся смехом.

Медвежонок, увидев улей с медом, будет вертеться вокруг, пока не залезет внутрь... Маленький Вольф практически не выпускал из вида клавесин. Он трогал его рукой, гладил, что-то шептал, наклонившись под клавишами. Сестра Нерл один раз видела, как Вольф даже лизнул языком одну из них...

Педагог и одаренный музыкант Леопольд Моцарт не мог не заметить неодолимой тяги сына к музыке.

И Леопольд Моцарт начал обучать сына игре на клавесине.

До... ре... ми... фа... соль. Природа наградила мальчика незаурядными, устрашающими способностями. За считанные недели, даже дни, он с легкостью усваивал то, на что у ребенка средних способностей ушли бы годы.

До... ре... ми... фа... По восемь... десять... двенадцать часов длились занятия. Неумное тщеславие отца Леопольда, бесконечная жажда реализовать в сыне свои мечты, приносили фантастические результаты!

С того дня никакие силы не могли оторвать Вольфа от клавесина. Ни призывы приятелей со двора, ни просьбы Нерл сбегать с ней к фонтану. Совершая какую-либо, даже крайне незначительную ошибку, маленький Вольф свирепо сопел и, нахмурившись, повторял одно и то же до тех пор, пока не выходило безупречно.

До... ре... ми... В четырехлетнем возрасте Вольфганг стал виртуозом. Для него не составляло труда сыграть «с листа» что угодно. Любой сложности произведение, впервые попавшее ему на глаза. Его бисерная техника приводила в восторг каждого слушателя, зашедшего в гости к отцу. Леопольд Моцарт чрезвычайно гордился сыном и уже начинал подумывать о публичных выступлениях сына и дочери.

Когда нельзя было играть, маленький Вольф пел. Все подряд. Все, что слышал. Менуэты, которые разучивала Нерл или трио, разыгрываемые отцом и его учениками. Более всего, он любил петь партии баса

Остановить его могло только отсутствие солнца! Если на дворе было пасмурно, завывал ветер или лил унылый дождь, Вольф становился пассивным, раздражительным, замкнутым. Однажды он просто «окаменел», сидя за клавесином. Помогла, /как будет еще не раз в его жизни!/, любимая сестра Нерл. Она взяла в руки зеркальце и направила зайчик от тусклой свечи прямо на лицо брата. Просто хотела пошутить.

Случилось чудо! Вольфганг вздрогнул, засмеялся счастливым смехом и из-под его маленьких пальцев полились чудные звуки. Нерл никому не сказала о случившемся. Это стало их тайной.

По сути, у маленького Вольфа не было детства. Конечно, в свободные от занятий минуты, он скакал по комнате «на палочке» верхом, не без этого. В остальном же... «Если б не заботливая мать Анна Марш, он бы просто сошел с ума от чудовищных перегрузок».

Да тут еще сочинительство. «Природа взвалила на худенькие плечи ребенка еще и этот груз! В маленьком Вольфанге проснулся композиторский дар.

Как-то поздним вечером он положил перед отцом, основательно испачканный кляксами, нотный лист бумаги. Леопольд Моцарт пробежал глазами нотный лист, и... у него перехватило дыхание.

«Этот записанный выше менуэт Вольфганг сочинил на четвертом году своей жизни», записал в дневнике Леопольд Моцарт.

Через пару дней Леопольд Моцарт показал своему другу, трубачу придворной капеллы перепачканный лист бумаги. Реакцией музыканта Шахтнера был восторг.

— Восхитительно! Прелестно! Жаль только... — замялся Шахтнер.

— Что?! — напряженно спросил Леопольд.

Маленький Вольф, нахмурившись, замер за клавесином.

— Это невозможно сыграть... Еще не родился тот гениальный пианист, который...

— Почему это невозможно»? — мрачно переспросил маленький Вольф. — Играть надо вот так!

И в ту же секунду он обрушил на уши двух взрослых музыкантов каскад, бурлящий поток... извержение... изящных ликующих звуков!

Когда умолкли последние ноты, Леопольд Моцарт и Шахтнер долго молчали. Потом, переглянувшись, направились к двери.

— Продолжай... сынок! Не будем мешать... — почему-то шепотом, уже в дверях, произнес Леопольд Моцарт и прикрыл дверь.

По Зальцбургу, как шипящие змеи, поползли злобные слухи. Так повелось среди обывателей, испытывать зависть к таланту. В те времена Зальцбург был центром католического княжества. Городок просто кишел иезуитами. Шипели... не может нормальный ребенок быть таким талантливым. Тут не обошлось без дьявола. И Леопольд Моцарт начав обучать сына игре на органе. Ближе к Богу, всегда безопаснее.

«Его никогда не принуждают ни сочинять, ни играть. Напротив, необходимо постоянно удерживать его от этого. Иначе он день и ночь просиживал бы за клавином или сочинением музыки»... писала в письме подруге сестра Нерл.

Антонио Сальери пребывал в глубоком кризисе. И вдруг... новость! В захолустном Зальцбурге появился гениальный ребенок.

«Наконец-то!» — пронеслось в голове Антонио и он почувствовал необычайный прилив сил. Жизнь вновь

обретала смысл. В душе опять начинали звучать, пока неясные мелодии.

Ревностный католик, аскет и крайне замкнутый Антонио никому не доверял своих тайных мыслей. Даже верной жене Терезе.

С самой ранней юности он испытывал неодолимое влечение к младшим и слабым. К тем, кто нуждался в его защите и помощи. Если бы у него был сын! Или хотя бы младший брат... Да ещё наделенный талантом.

По сути своей Антонио Сальери был воспитатель. Воспитатель и учитель! С большой буквы! Но, увы! Детей им с Терезой Бог не дал. И Антонио испытывал чудовищную, изнуряющую тоску. Порой доводящую до отчаяния. Только постоянные молитвы удерживали его от самого страшного поступка!

Антонио был талантлив. Композитор от Бога! В сочетании с фантастической работоспособностью, этот дар вывел его на самое высокое место среди музыкантов Вены. Первый среди равных! Так величали его все без исключений. Даже мелкие завистники, обделенные способностями, не могли не признать его таланта. Но счастья не было. Ни счастья, ни покоя.

Вернувшийся из Зальцбурга Михаэль Гайдн бросил одну только фразу: «В жилах этого мальчика вместо крови течет музыка!».

Антонио подошел к раскрытому окну. Было солнечное, яркое утро. Пробиваясь сквозь листву, по его лицу бегали лучи солнца. «А еще говорят — нет правды на земле?» — усмехнулся Сальери.

Куда так торопятся горожане и горожанки славного городка Зальцбурга? Отчего на их лицах столько восторженного нетерпения? Степенные фрау и совсем молоденькие девушки наперегонки бегут к центру городка. Женские сердца стучат значительно громче их туфелек по булыжникам улиц. Как же! Сегодня в главном соборе опять играет чудо-ребенок! Органист и композитор Вольфганг Амадей Моцарт! Разве можно подобное пропустить мимо ушей?! Чудо, чудо!!!

Сам князь-архиепископ всего Зальцбурга и его окрестностей Сигизмунд почтил своим присутствием выступление молодого гения. Даже отодвинул на время главные пристрастия, вино и женщин. И неудивительно! Сигизмунд не какой-то там... неизвестный провинциальный князек. Он тоже просвещенный монарх. У него и капелла своя имеется. И придворный театр. Маленький, но свой.

Незаурядные дети скромного скрипача, десятилетняя клависинистка и маленький органист, могут принести громкую славу городу Зальцбургу. Следовательно, и его властелину. Покровителю искусств, князю-архиепископу. Сигизмунд это понимает. Не окончательно еще утопил в вине свой разум.

Сигизмунд одобрительно отнесся к маленьким музыкантам. Детей потрепал по волосам, а родителю приказал повысить /незначительно!/ жалование. Более того, на довольно нескромную просьбу Леопольда, съездить с концертами в Вену, ответил разрешением. Пусть! Пусть и она, столица музыки, царица городов, резиденция самого императора, насладится игрой

маленьких музыкантов. Пусть знают там, в Вене, в скромном Зальцбурге тоже... не из сапога херес пьют!

«Сестра маленького виртуоза с удивительной свободой играет самые сложные сонаты, а ее брат просто творит чудеса!», писала в те дни «Европейская газета» в Зальцбурге.

По полноводному Дунаю медленно плывет баржа. Безграничная голубая гладь воды. Безграничное голубое небо. Кажется, будто баржа плывет по небу, рассекая тупым носом облака.

Леопольд и Анна Мария сидят на скамеечке, среди многочисленных пассажиров, обмениваются улыбками, но взоры их устремлены на детей, Вольфганга и Нерл. Мальчик и девочка с криками и смехом носятся по палубе от одного борта к другому. Им все интересно, все в новинку.

Проплывающие мимо деревеньки с белыми домами и красными черепичными крышами, стада пестрых коров на полях, лошади, вышедшие к реке на водопой...

По лицам смеющихся детей бегают блики солнца...

Набегавшись, брат о сестрой, о чем-то пошептались и решительно направились на корму. Там стоит карета, взятая напрокат Моцартами. К задку кареты привязан маленький дорожный клавесин.

Вольф и Нерл заговорчески переглянулись и... в четыре руки ударили по клавишам. Над баркой, над водной гладью Дуная, поплыли звуки грациозного менуэта. Пассажиры в восторге зааплодировали.

Леопольд и Анна Мария тоже заговорщицки переглянулись и... вышли на центр палубы. Под изумленные возгласы многочисленных пассажиров, начали исполнять грациозный, трогательный танец... К ним как-то незаметно присоединились еще две-три пары. Группа крестьян и крестьянок, не умевшие танцевать менуэта, разбились на пары и, с веселым хохотом, начали отплясывать нечто невообразимое... Танцевали все. Кто во что горазд. Даже двое монахов-францисканцев, не принимавших участие в общем веселье, одобрительно кивали головами.

Леопольд Моцарт о супругой и своими незаурядными детьми прибыли во дворец с точностью часового механизма. Как и подобает истинно австрийской семье.

Высоченные, огромные залы подавили провинциалов своей роскошью в великолепии. Яркие мундиры военных, бархатные камзолы придворных, шелковые платья дам, белые парики. «От всего этого захватывало дух».

Вольф увидел в противоположном конце зала грузную, дородную женщину. И тотчас узнал императрицу Марию Терезу, поскольку, ее портреты видел не раз. Рядом с ней стоял какой-то невыразительный мужчина в мундире, сидевшем на нем довольно мешковато.

Вспомнив наставления отца, как именно нужно подходить к императрице, как расшаркаться, как целовать ручку, Вольф решил сходу проделать всю эту процедуру. Подвел до блеска натертый воском паркет.

Он оказался предательски скользким. Вольф растянулся во весь рост прямо посреди зала.

Императрица усмехнулась, Император засмеялся, придворные просто зашлись от смеха. Вольф сделал попытку встать и упал опять. Хохот уже волнами гулял по залу.

Неожиданно к распростертому на полу Вольфу подбежала девочка, помогла встать. Девочка была эрцгерцогиня, Мария Антуанетта.

Вольф с вызовом посмотрел вокруг и заявил.

— Ты добрая. Я на тебе женюсь.

... Через три десятка лет Мария Антуанетта сложит свою голову на гильотине... Говорили... до самой последней минуты сквозь слезы она напевала одну из мелодий Вольфганга Амадея Моцарта... А сейчас...

— Ты добрая. Я на тебе женюсь.

Император оказался простым человеком. Незатейливым. Его не интересовала серьезная музыка. Его интересовали фокусы. И Вольф их продемонстрировал. Играл по нотам и по памяти. Играл с завязанными глазами и одним пальцем. Точно угадывал ноту, напетую любым из гостей. Воспроизводил звон бокала и стук капель дождя, цокот копыт лошади и трель канарейки.

Император был доволен. Императрица в восторге. Придворные в восхищении. Только маленькая эрцгерцогиня забилась в дальний угол и бросала оттуда на всех презрительные взгляды.

Прием, оказанный семейству Моцартов во дворце удался. Детям подарили вполне еще сносные одежды.

Нерл приличное платье, Вольфу сюртучок. Леопольд был польщен, не каждому ребенку выпадает такое счастье, носить одежду с плеча императорских отпрысков. Об этом еще долго говорили во всех гостиных Вены.

Но не только маленькой эрцгерцогине не понравился прием, оказанный гениальному ребенку. Был еще один человек. Весь вечер почти никем незамеченный, он простоял в углу за колонной. Многие светские дамы пытались поймать его взгляд и обменяться поклонами. Ни одной это не удалось.

Мужчина был высок, худощав и наделен той мужественной красотой древнего римлянина, которая не может оставить равнодушным ни одно женское сердце. Весь вечер он простоял, не шелохнувшись и не выказывая отношения к происходящему. Только очень наблюдательный человек мог разглядеть в его огромных темных глазах застывшее чувство стыда и отвращения.

Антонио Сальери покинул дворец, не дожидаясь обязательного в таких случаях, ужина для избранных.

«О, времена! О, нравы!», — думал он, бредя по мокрым улицам.

Антонио зашел в трактир «Серебряная змея» и ни с кем не здороваясь, прошел в самую дальнюю комнату. Там стояли всего три стола, и ярко пылал камин.

Услужливый трактирщик тут же зажег свечу на столе и поставил перед Антонио бокал темного вина.

За окном сыпал мелкий, морозящий дождь.

«Надо спасти мальчика!» — думал Антонио, — «В противном случае пустоголовый отец разменяет его

талант на несколько горстей монет и окончательно загубит гениального ребенка!».

К столику Антонио подошел крупный, грузный мужчина и тяжело опустился на стул напротив. Они встретились взглядами.

Антонио Сальери и Михаэль Гайдн были знакомы много лет и ценили друг в друге не столько талант музыкальный, сколько умение молчать. Редкое качество среди музыкантов, умение молчать. И слушать.

В отличие от знаменитого брата Иосифа Гайдна, Михаэль относился к своему композиторскому дару легкомысленно. С радостью бросался помогать друзьям, выручал из беды первых встречных. Сочинять садился только когда, неотвратимо наваливалось вдохновение. Когда никак нельзя отвертеться.

— Был? Наслаждался? — напрямик спросил Гайдн. И не дождавшись ответа, понимающе кивнул.

Антонио молчал. Но Михаэль сегодня был слишком взвинчен, чтоб сидеть с закрытым ртом.

— За какие грехи нам подобное проклятие? — покачивая головой, сокрушался он. — Серьезная музыка никого не интересует! Совсем! Ни-ко-го! — по складам добавил он.

Антонио никак не реагировал. Смотрел в окно.

— Еще два-три года... — продолжал Гайдн, — И во всей Европе не останется ни одного серьезного музыканта!

Сальери повернул к нему голову, удивленно вскинул брови.

— Да, да! Именно так! — настаивал Гайдн. — При таком императоре, все салоны скоро заполнят

фокусники, жонглеры и индийские танцовщицы! Будет сплошной «танец живота»!

Не выдержав, Антонио улыбнулся и покачал головой.

— Не думаю, что все так... безнадежно.

— Ты неисправимый оптимист! — откинувшись на спинку стула, обличительным тоном изрек Гайдн. — Посмотри вокруг! Мир катится в пропасть! Падение нравов, озверелое накопительство...

Антонио залпом допил вино и встал из-за стола.

— Надежда умирает последней! — улыбнувшись, сказал он.

Леопольд Моцарт с его незаурядными детьми ста­д приглашаем во все самые модные салоны и гостиные. Предложения сыпались одно за другим. Дети играли. На клавесине и на скрипках. Гости и хозяйева аплодировали. Леопольд Моцарт подсчитывал деньги.

За две недели пребывания в Вене его дети заработали больше, чем он, своим каторжным трудом, мог бы заработать за три года. Вершиной успеха Леопольд посчитал приглашение приехать в Лондон и выступить перед самой королевой Англии.

Но все планы поломала неожиданная болезнь Вольфа. Мальчик заболел и выздоровел только через две недели.

Поздним вечером в маленькой комнатке скромного пансионата Леопольд Моцарт на бумаге подсчитывал доходы от концертов.

— Возвращаемся в Зальцбург! — с довольной улыбкой сказал он. Вольф и Нерл весело запрыгали и захлопали в ладоши.

Приехавший в Зальцбург за год тупеет, за два превращается в кретина и только через три становится истинным зальцбуржцем.

Было большой наивностью, полагать, что успех, триумф, фурор произведенный семейством Моцартов в Вене, кого-либо обрадует в родном городке. Грязные слухи, сплетни, обвинения в связях с «нечистой силой» лавиной обрушились на скромное семейство.

Что мог противопоставить Леопольд Моцарт этому натиску? Скромность, честность, работоспособность. Только эти добродетели уберегали его семью от невзгод прежде, уберегут и сейчас.

И Леопольд Моцарт еще более ужесточил требовательность к детям. Еще более усердно трудился сам. С еще большим смирением принимал злобные выпады соседей и знакомых.

Постепенно обыватели смирились. Травля теряет всякий смысл, если объект никак не реагирует. И жизнь вошла в свою накатанную годами колею.

Время в маленьких городках бежит гораздо быстрее, нежели в столицах и крупных центрах. Вдохнул — осень, выдохнул — весна, не успел перевести дыхание... прошло уже несколько лет.

Вольфганг уже совсем юноша. Правда, из-за своих постоянных простуд и систематических болезней, он ничуть не вырос. Так и остался худеньким ребенком. Но

в глазах появилось осознание своей одаренности. Чувство собственного достоинства. Он по-прежнему весел, смешлив и готов радоваться любому пустяку.

Нерл превратилась во взрослую девушку. Грациозную, с большими романтическими глазами. И прекрасной фигурой.

Только родители, Леопольд и Анна Мария сильно постарели.

Умер от белой горячки прежний правитель князь Сигизмунд. Новый, Иерохим, оказался еще хуже предыдущего. Подлее. И хотя он держал в кабинете бюст Вольтера, был абсолютным самодуром. При нем псарям и егерям стало жить легче, чем концертмейстерам, альтистам и скрипачам.

Леопольд не оставлял надежды вывести сына «в люди». Гастроли по Европе, столицы, оперные театры. Только они могли дать сыну достойную оценку. И разумеется, деньги.

Но князь Иерохим и слышать не хотел, ни о каких поездках. Стоило любому из приближенных произнести вслух имя «Моцарт» как он превращался в разъяренного быка. Кричал и топал ногами.

В далекой Вене за столиком трактира «Серебряная змея» сидели двое» Аскетичный Антонио Сальери и авантюрный Михаэль Гайдн.

— Друг мой! — без лишних предисловий объявил Антонио. — Вы можете оказать неоценимую услугу. Мне и всему человечеству.

— Вызвать кого-то на дуэль? — весело прищурился Михаэль.

— Дело гораздо прозаичнее. И благороднее.

Некоторое время Антонио молчал, подыскивая нужные слова. Михаэль ждал. Он уже чувствовал, предложение от Антонио поступит нешуточное. Не тот был человек Сальери, чтоб о чем-то просить по пустякам.

Наконец Антонио произнес вслух то, ради чего вызвал лучшего друга.

— Нужно поехать в Зальцбург! — глядя в сторону, медленно произнес Антонио. Долго молчал. Потом добавил. — И спасти там того самого мальчика!

— Выкрасть у родителей!?! — усмехнулся Михаэль. Сальери отрицательно помотал головой.

— Талант. Мальчик наделен незаурядным талантом.

— От чего его спасти, в таком случае?

— «...и враги человека, домашние его» — задумчиво, почти нараспев произнес Антонио. — Если ему не помочь, Европа лишится еще одного гения.

— Даже так. — шутливо начал было Михаэль, но увидев какой-то потусторонний взгляд Антонио, замолчал.

— Все расходы беру на себя! — объявил Сальери.

— Разумеется! — с вызовом ответил Михаэль, — Каждой собаке известно мое финансовое положение! Когда нужно ехать?

— Вчера! — неожиданно жестко закончил Антонио,

Князь Иерохим неожиданно вызвал к себе Леопольда и милостиво разрешил юному Вольфгангу совершить одну поездку в Европу. В сопровождении

матери. Отец и сестра останутся в Зальцбурге, как заложники.

Обыватели Зальцбурга терялись в догадках. Что могло так кардинально повлиять на решение князя? Ходили неясные слухи.

Будто, во дворец князя Иерохима неожиданно приехал какой-то «черный человек». Пробыл всего несколько минут. И тут же уехал в своей карете, кутаясь в черный плащ, никому не открывая лица. Еще говорили, будто его карета остановилась перед домом Моцартов и «черный человек», отодвинув занавеску, долго смотрел на окна второго этажа. Слушал, как играет юный Вольф. Потом, карета, вместе с «черным человеком» навсегда покинула город.

Слухи ходили самые разные. Но факт оставался фактом. Князь Иерохим неожиданно разрешил Вольфгангу выезд в Европу.

Нерл и Вольфганг, взявшись за руки, сидели в коридоре на маленькой скамеечке. Нерл тихо плакала, Вольф сердито сопел.

— Не плачь, пожалуйста! Я люблю тебя больше всех на свете.

— Я знаю... — всхлипывала любимая сестра.

— Разве нас что-то может разлучить? — допытывался Вольф. Нерл не отвечала, продолжала плакать.

— Мы всегда-всегда будем вместе! Клянусь тебе! — торжественно произнес Вольфганг и даже зачем-то поднял вверх руку, как римский полководец Гай Юлий Цезарь.

Нерл не выдержала, утирая слезы, улыбнулась.

— Возьми. Это поможет тебе в трудные минуты!

Немного смущаясь, Нерл протянула Вольфу маленькое круглое зеркальце на цепочке.

— Можно подвешивать его за свечой. В самые пасмурные дни по стенам будут бегать... солнечные зайчики...

Вольфганг осторожно взял маленькое зеркальце и, продев цепочку через голову, спрятал его на груди.

Годы, вынужденно проведенные в Зальцбурге, были для Вольфганга невероятно, непостижимо, продуктивными. Симфонии, серенады, дивертисменты, духовные мессы, клавирные сонаты... скрипичные концерты.

«Я композитор и рожден быть капельмейстером». Я не имею права и не могу хоронить свой талант, которым господь Бог столь щедро одарил меня. Могу это сказать без лишней гордости, ибо сейчас больше, чем когда бы то ни было чувствую это!», — написал сразу после отбытия из Зальцбурга юный Моцарт в своем дневнике.

Поскрипывает старый дилижанс, чавкают копыта лошадей, уныло барабанит по стеклам дождь. Анна Мария дремлет, прикрыв глаза. Нелегко в ее возрасте переносить подобные переезды. Но чего не сделаешь ради любимого позднего ребенка.

Нерадостной картиной встречает Европа молодого Моцарта. Тут и там видны губительные последствия войны. Убогие и калеки, слепые и парализованные. Ужасающая нищета, тяжкие страдания. И тут же

баснословное богатство, вопиющая роскошь. Кучка людей успела нажиться на страданиях людей.

Негостеприимно встретила Вольфганга в этот раз и вечно веселая Вена. Его попросту успели забыть. От прежних контактов не осталось и следа. В какие только двери он ни стучал. Фальшиво-сочувственные вздохи и...

— Вакансий нет!

Какие пороги ни обивал! Понимающее покачивание голов и...

— Вакансий нет!

И опять старый дилижанс, топот копыт и унылый дождь. Может быть, Мюнхен окажется более гостеприимным?

Но мюнхенский архиепископ оказался таким, же невежественным, как и Зальцбургский. Не быть Вольфу концертмейстером при его дворе. Даже в оперном театре просвещенный человек граф Зео вынужден отказать Вольфгангу. Ему нужны грубые коммерческие поделки. Серьезная музыка никого не интересует. Гульдены делают гульдены!

— Вакансий нет!

Еще долго эта фраза на все лады будет звучать в ушах Вольфа.

Мать и сын в Мангейме. Артистическая жизнь бьет ключом. В мангеймском театре идут оперы! Что еще нужно молодому композитору? Ведь сочинять оперы было самой заветной мечтой Вольфа. Все складывается как в сказке. Капелла — самая лучшая в Европе, оркестр — целая армия, состоящая из одних генералов.

И Вольф с головой бросается в музыкальную жизнь Мангейма.

Вот только деньги. Их почему-то вечно не хватает. Мать до предела сокращает расходы. Они с Вольфом перебираются в подвальную комнатку, чтоб экономить.

Словно в насмешку, Вольфу за бесконечные концерты и уроки дарят одни за другими... часы! Совсем недавно вошедшие в моду, карманные часы в неимоверном количестве скопились у Вольфа,

— Где мне найти столько штанов? Столько карманов? — смеется Вольфганг, Он еще не теряет чувства юмора.

Восторгов тысячи, денег жалкие гроши.

Все смешалось в пансионе фрау Вебер. Муж, театральный суфлер и фатальный неудачник, наконец-то!, совершил поступок настоящего мужчины. Пригласил в гости самого модного, самого талантливого и самого неженатого молодого человека в Мангейме.

Ходили слухи, молодой человек высок ростом, красив, знаменит на всю Европу и достаточно богат.

Словом, целый выводок женщин приятной наружности, без конца топтались возле узкого зеркала в коридоре, не соблюдая никакой очередности. И тут позвонили в дверь. Пять женских сердец забились в унисон, словно канарейки в тесных клетках. Маленький колокольчик над дверью мог извещать приход самой Судьбы!

Молодой человек оказался маленького роста, некрасивым и камзол на нем был изношен до последней степени. Даже рукава на локтях лоснились. Лицо имело крайне болезненный вид и только глаза. Глаза светились каким-то необычным огнем. С его появлением в пансионе фрау Вебер сразу стало значительно светлее. По стенам забегали солнечные зайчики.

Вольфганг сходу расцеловал маленькую Софи в обе щеки и заявил, что она слаще турецкого мармеладу! Маленькая Софи смутилась и спряталась за спины сестер. Все засмеялись.

Вперед выступил Фрид Вебер и начал торжественно представлять Вольфу остальных дочерей.

— Моя старшая дочь. Жозефа!

Вперед выступила крупная и нескладная девица. Она слегка поклонилась, но смотрела почему-то в сторону.

— Моя средняя, Алоизия!

Вперед выступила симпатичная девушка с кудряшками на голове. И в ту же секунду в ушах Вольфа громко зазвучала свирель. Нежная и трогательная мелодия переливалась и пела... О чем могла петь свирель в душе молодого человека!

Вольф уже не раз видел ее в музыкальных салонах, слышал как-как она поет! Только ради нее он и явился сюда.

— Моя вторая средняя, Констанца! — продолжал Фрид Вебер. Не Вольфганг уже ничего не слышал. И не видел. В душе звучала свирель, перед глазами покачивалось прелестное лицо Алоизии. И тут Фрид

Вебер второй раз в жизни совершил поступок настоящего мужчины. И главы семейства. Тактично и незаметно увел остальных женщин в другую комнату.

Девушка с кудряшками была крайне мила. Сплошное очарование.

Куколка. С ней даже разговаривать не хотелось. Смотрел бы и... смотрел. Вольф так и поступил. Смотрел и улыбался.

— Откуда вы родом? — поинтересовалась куколка.

— Со-о-оль! — пропел Вольфганг.

— Зальцбург! — догадалась куколка.

Догадаться было нетрудно. Поскольку «зальц» на немецком означает «соль».

— Ваше имя... симфония... Алои-изия! — не выдержал Вольф.

— Симфонии я не люблю, — сразу же предупредила куколка. Вольф с готовностью кивнул. Ему было абсолютно все равно.

— Я люблю дуэты. Петь, — уточнила куколка.

— Вы можете стать... великой певицей!

— Откуда вы знаете? — округлила свои очаровательные глаза куколка.

— Я сам буду давать вам уроки! — торжественно провозгласил Вольфганг и решительно взял ее за руку.

Куколка освободила руку и погрозила Вольфу пальчиком.

Михаэль Гайдн обожал кошек. В своей каморке на окраине Вены держал целую стаю. Их количество не поддавалось никаким подсчетам. Все жалование

скромного капельмейстера исчезало в пастях этих прожорливых красавиц в одно мгновение.

Каждый раз, заходя в гости, Антонио зажимал нос надушенным платком. В этот раз он застал Михаэля за обедом. В смысле, обедал не он. Обедали красавицы. Все сразу.

Антонио только что вернулся из поездки по родной Италии.

— Как наш подопечный? — с порога спросил Антонио. — Все еще вьется вокруг этой... симфонии Вебер?

— О... да! — усмехнулся Михаэль. — Он уже вполне созрел, чтоб предложить ей... ногу, сердце и свой пустой кошелек.

— Ногу?! — переспросил Антонио.

— Что еще... — пожал плечами Михаэль. — Руки у него заняты. Он ими... или играет, или сочиняет.

— Мя-я-у-у! — в унисон взвыли сразу несколько красавиц. Количество еды их явно не устраивало.

Антонио покачал головой и, договорившись о встрече в самом скором времени, покинул уютное жилище Гайдна.

Тихо и незаметно умерла мать Анна Мария. Она и жила так же, тихо и незаметно. Всю себя отдавая детям. Близкие знакомые считали ее женщиной с загадкой. Скромная и порядочная женщина была. Труженица. Вот и вся загадка.

Природа обычно «оплакивает уход таких людей. Над Мангеймом сплошные беспросветные облака. Унылый и бесконечный дождь. Кажется, что дождь идет

не только здесь, в Мангейме. Но и в Вене. И в таком теперь далеком Зальцбурге.

Вольфганг тяжело переживал потерю. Несколько дней не мог даже сесть за письмо, чтоб сообщить отцу и сестре. неподвижно сидел за столом, вертел в руках крупнее зеркальце на цепочке. Но солнечных зайчиков не было.

Если б не Михаэль Гайдн, Вольфганг натворил бы глупостей. Гайдн намного старше Вольфганга. И потому мудрее. Именно он организовал похороны, /правда, на деньги «черного человека»/, завалил Вольфа частными заказами, познакомил с нужными людьми,

Работа лучшее лекарство от бед. И Вольф бросается в нее с головой. Ни на день не перестает давать концерты. В залах и парках, в садах и салонах. Спит по два-три часа в сутки.

Да тут еще любовь! Алоизия! Чтоб не разбрасываться, снимает комнату в пансионе фрау Вебер. Оплата, разумеется, уроками.

Уроки и Алоизия! Алоизия и музыка! Что еще просить у судьбы! И самое поразительное, ему удастся слепить из посредственности вполне приличную певицу. Ее даже приглашают с концертами. А на горизонте маячит уже и оперный театр!

Поистине, любовь способна творить чудеса!

Вершиной певческой карьеры Алоизии стало выступление в салоне любительницы всего музыкального фрау Бон. По роковому стечению обстоятельств Вольфганг, обычно не пропускавший ни единого выступления Алоизии, отсутствовал. Срочно

заканчивал квартет и арию для театра. Рассчитывал успеть к концу вечера. Но увлекся и очнулся от работы только под утро...

Наблюдательные соседи заметили невдалеке от дома фрау Бон большую темную карету. И двоих мужчин в карете.

Первый, кутался в черный плащ и тщательно закрывал свое лицо. Вторым был бравый офицер. При параде. Он был молод, красив и решителен. Для него явно не существовало никаких преград. О чем наглядно свидетельствовали торчавшие вверх кончики усов.

— Держите! — сказал «черный человек» и протянул офицеру довольно объемистый кошелек. — Остальное, как договорились...

— Не стоит... — начал было отказываться офицер, но кошелек забрал и спрятал его на груди. — Моя благодарность не имеет границ. Завоевать сердце красавицы, каковой является...

— Не будем уточнять! — глухо произнес «черный человек».

— Мечтой всей моей жизни, было завоевать сердце...

— Ступайте! — прервал его «черный человек», — Да поможет нам Бог! Фрау Бон представит вас. Ступайте! — еще раз повторил он.

И решительно отвернулся в окну.

Бравый офицер поразил всех, обступивших Алоизию после выступления, своей неотразимой внешностью. И размером букета, который он вручил

певице. Букет действительно превосходил все допустимые пределы. Алоизия была сражена наповал. И букетом, и разумеется, самим бравым офицером. Его обходительностью. И учтивостью. Потому никто особенно не удивился, когда буквально через пару дней она бежала с ним в неизвестном направлении.

Потеря Алоизии затмила собой даже потерю матери. Вольфганг почти не выходил из своей комнаты, неподвижно лежал на постели, смотрел в потолок. Забывался только темными, длинными ночами.

В одну из таких безумных ночей Вольфганг обнаружил у себя в постели молодую, страстную особу, которая обнимала его, покрывала лицо поцелуями и все такое.

Каково же было изумление Вольфа, когда утром рядом с собой на подушке он обнаружил прелестную головку... Констанцы! Второй средней дочери Вебера! В ее волосах запутался лучик солнца.

Впрочем, Констанца была тоже чрезвычайно мила. Особенно, если слегка изменить прическу. Сделать, эдак, с кудряшками. Констанца так и поступила. На голове появились кудряшки.

Увы! Все тайное становится явным!

Ночные визиты Констанцы не исключение из этого закона.

— Покрыть грех! — шипела злобная Цицилия Вебер своему безвольному муху и глаза ее сверкали, как у дикой кошки.

— Покрыть грех! — шептались на каждой кухне соседи Веберов,

— Покрыть грех! — смущаясь, пробормотал сам Фрид Вебер, столкнувшись утром в коридоре с молодым Вольфгангом.

И Вольфганг направил в славный городок Зальцбург два письма. Одно отцу. С нижайшей просьбой разрешить жениться на Констанце. Другое сестре Нерл. С изложением своей безвыходной ситуации.

Великие идеи эпохи Просвещения стремительно завоевывали всю Европу. Даже в консервативной Вене назревали перемены. В аристократических кругах все громче раздавались голоса протеста против засилья «иностранщины» в культуре,

И самому яркому италоману императору Иосифу II пришлось отступить. Под давлением музыкантов, и особенно первого придворного композитора Антонио Сальери, он дал согласие на открытие в Вене оперного национального театра.

— Мальчишка! Сопляк!

Антонио Сальери метался по своему кабинету, как разъяренный тигр по клетке. Михаэль сидел в кресле, невозмутимо курил.

— Едва успел избавиться от пустоголового отца! Теперь сам решил поломать свою судьбу! Своими собственными руками!

— Надо перетащить его сюда, в Вену!

Антонио замер на месте, удивленно посмотрел на Михаэля.

— Устроить ему заказ на оперу. — продолжал тот, попыхивая трубочкой, — Опера она дисциплинирует. С вашим авторитетом и влиятельностью, пара пустяков.

Антонио, нахмурившись, медленно опустился в кресло напротив. Очевидно, такая простая мысль не приходила ему в голову.

«Действительно! Пора! Давно пора создать собственную немецкую национальную оперу!».

Антонио Сальери по рождению был итальянцем. Но в душе считал себя, как, ни странно, австрийцем. Даже думал по-немецки.

«Хватит подражать родной Италии! Сделать оперу на достойном уровне может только один человек...».

От волнения Антонио даже привстал с кресла, но тут, же опустился в него обратно. Михаэль усмехнулся.

— Очевидное и невероятное? — по привычке съязвил он.

Антонио, обычно не терпевший над собой даже малейших насмешек, только кивнул головой. Он напряженно думал.

— Объявить от имени императора конкурс! — продолжал развивать свою мысль Гайдн. — Как в древней Греции! Олимпийские игры! Состязание! — все более увлекался Михаэль. — Назначить приличное вознаграждение и...

— ...победитель получит все!! — медленно произнес Антонио.

Незаметно для самого себя, Антонио уже воспринимал далекого Вольфганга, с которым, кстати, даже не был знаком лично, как своего младшего брата.

«Младший братик», естественно, делал все не так, не вовремя, не по правилам. Вредил только самому себе. Но самое главное! Нарушал гармоничную картину мира, которая уже давно сложилась в голове у Сальери. У всех в этом мире свое место, своя функция. Только мальчишка Моцарт никак не вписывался в эту картину. И Антонио начал действовать более решительно.

В Мангейм на имя Вольфганга Амадея Моцарта пришли сразу три письма. Первое! Из Зальцбурга, от отца. С категорическим запретом жениться на какой-то там... Констанции Вебер! Второе! Тоже из Зальцбурга. Из канцелярии архиепископа Иерохима. С не менее категорическим требованием, вернуться в Зальцбург. И немедленно приступить к исполнению своих обязанностей придворного скрипача. И третье! Из Вены, от графа Розенберга, директора императорского театра. С предложением участвовать в создании первой национальной оперы.

Нетрудно догадаться, что выбрал молодой Вольфганг. Он собрал свои нехитрые пожитки и был таков.

Пассажирам дилижанса явно не повезло. Их соседом оказался сумасшедший молодой человек. Строгий аптекарь с двумя дочками-близняшками, налоговый исполнитель и две крестьянки, едущие в Вену погостить, хмурились и испуганно жались по стенкам.

Молодой человек невпопад весело смеялся, постоянно пел какие-то отрывочные музыкальные

фразы и, вдобавок, размахивал руками, как заправский дирижер.

Пассажиры терпели. Пассажирам было невдомек, что судьба дала им возможность первыми услышать оперу «Похищение из сераля». Точнее, наиболее выразительные куски из нее.

Думал ли он о Констанце? Разумеется! Ведь главную героиню «Похищения из сераля» звали... Констанца! И Вольфганг наделил ее всеми прелестными чертами второй средней дочери Вебера. Добротой и отзывчивостью, веселым нравом и жизнелюбием...

Молодой человек продолжал петь и размахивать руками.

Премьера должна была состояться уже через три недели.

Солнце клонилось к западу, пронизывая всю Вену косыми лучами. Фасад оперного театра смотрелся, как новенькая, только что выкрашенная, декорация.

Вольфганг подошел к слуге, встречавшему гостей.

— Что сегодня дают, приятель? — осведомился он.

— «Похождения сэра Альта»! — важно ответил слуга.

— Кто сочинил?

— Какой-то... Мозер или... Монвер... Из наших. Но музыка очень даже замечательная. Не пожалееете!

Вольфганг коротко хохотнул и поскакал на одной ножке к центральному входу. Слуга неодобрительно покачал головой.

В антракте взволнованный, и даже вспотевший, граф Розенберг тащил упиравшегося Вольфганга к центральной ложе.

— Вас хочет видеть сам император! — шептал он.

— Зачем? — недоумевал Вольфганг. — Чтоб понять, крокодил иди ящерица, надо увидеть хвост...

Розенберг подтащил Вольфа к двери, постучал в нее три раза и втокнул внутрь молодого гения. Не отказав себе в удовольствии, слегка поддать коленом под зад.

В ложе было темновато. Сам император Иосиф II сидел спиной к двери и созерцал партер. Он даже не повернул головы, разглядывая публику.

Вольфганг громко и выразительно кашлянул. Три раза. Император слегка повернул голову и едва заметно кивнул.

— Либретто не кажется мне оригинальным, — сказал Иосиф II.

— А музыка?

— Неплохо. Да, вот... Слишком много нот.

— Нот всего семь! — недоуменно возразил Вольфганг. Император отвернулся. Аудиенция закончилась.

В коридоре Вольфганга перехватил Михаэль и торжественно объявил. С ним желает познакомиться сам Сальери!

Встреча состоялась в одной из курительных комнат. Вокруг роились мужчины с трубками во ртах. Дым стоял беспросветный.

Оба сдержанно поклонились. Оба сдержанно улыбнулись. Обоих постоянно толкали спящие взад-вперед любители трубок.

Антонио, как и Михаэль, был старше Вольфганга. Потому, боясь ущемить молодое самолюбие, тщательно подбирал слова.

— Поздравляю! Вы удивительно удачливы! — сказал Антонио.

— У меня есть свой ангел-хранитель, — просто заявил Вольф.

«Он перед тобой!!!» — чуть не закричал вслух Антонио.

— ... моя любимая сестра Нерл. — с большой нежностью в голосе продолжил Вольфганг.

Антонио сильно закашлялся. Вольфганг из чувства солидарности сделал то же самое. Некоторое время оба молчали.

Общаться было чрезвычайно трудно. Курильщики вокруг разговаривали в голос. Вольфу и Антонио приходилось наклоняться и почти кричать друг другу в уши.

— Уверен... ваша музыка переживет века! — возвестил Антонио.

— Хорошо бы она принесла мне хоть каплю денег! — вдруг пожаловался Вольф. Он почему-то сразу почувствовал расположение к этому, внешне суровому и надменному человеку.

Антонио опять сильно закашлялся и предложил Вольфгангу продолжить беседу в кабинете директора театра.

Оба и сами не заметили, как проговорили несколько часов кряду. Даже забыли о втором акте оперы.

— А-а... черт! — воскликнул Антонио, когда вспомнил, где они находятся. И тут же спохватился, — Прости меня, Господи! Ведь мы пропустили второе действие...

— Не беда! — засмеялся Вольфганг. — Я все мелодии уже слышал. А вы потеряли совсем немного, уверяю вас...

Антонио понимающе кивнул, шутить над самим собой, могут, очень немногие из музыкантов.

Для умудренного Антонио стали откровением свобода и глубина суждений юного зальцбургца о музыке, Вольфганг с восторгом перечислил все, без исключений, произведения Сальери. И даже напел вслух наиболее удачные куски из них.

Молодого Вольфганга поразила добродушный юмор и детская непосредственность этого сухого и надменного, /как ему показалось вначале/, живого классика. А когда Антонио рассказал подряд три варианта анекдота, «Приходит муж домой... И застаёт...», все три один смешнее другого, Вольф почувствовал, что знаком с этим человеком целую вечность.

Оба дружно поругали императора. Осудили тупую и невежественную публику и сошлись на том, что единственным подлинным гением является... старина Глюк!

Антонио и Вольфганг медленно брели по ночной Вене. Тут и там, со смехом обнимались парочки. Из кабачков доносилась веселая музыка. Вена жила обычной ночной жизнью.

— А ведь мы с вами соперники! — неожиданно заявил Антонио.

— У нас один соперник! — серьезно ответил Вольф. И он выразительно потыкал пальцем вверх, на небо.

«О, Господи!!!» — пронеслось в голове Антонио. «Он действительно гений! Он соперничает с самим Создателем!».

Вольфганг между тем скакал по тротуару на одной ножке. Он так и не избавился от этой провинциальной привычки.

Мамаша Цицилия Вебер, с поредевшим выводом дочерей, тоже рванула в Вену. Оставив безвольного мужа слоняться по кабачкам, она через неделю объявилась в центре города. На какие-то неведомые деньги сняла приличный дом и открыла, как в Мангейме, пансион для одиноких холостяков.

От судьбы не убежишь! Пришлось Вольфгангу гулять по паркам под ручку с Констанцией. На глазах у всей Вены.

Впрочем, Вольфганг особенно не сопротивлялся. Констанция была просто очаровательна. Все встречные (и даже поперечные!) кавалеры провожали ее восхищенными взглядами. И растущий на глазах живот ее только украшал.

Венчание состоялось в соборе святого Стефана. Присутствовали несколько знакомых. Михаэль Гайдн,

Антонио Сальери, сама мамаша Вебер и маленькая Софи, которая к этому времени уже превратилась в очаровательную пятнадцатилетнюю девушку.

Когда молодые вышли из собора, хмурые облака над площадью разошлись и они оказались в лучах солнца. Все заплодировали.

Молодые сняли скромную комнатку на окраине Вены. И были счастливы. Ни о каком свадебном путешествии не могло быть и речи. Вольфганг уже принял предложение участвовать в конкурсе и с головой ушел в историю, о похождениях молодого парикмахера.

Итак! Готовились три оперы. Ригини, Сальери, Моцарта. Все три по единому либретто. Небывалый случай! Вена разделилась на три враждующих группировки. Но явное предпочтение отдавалось только двум соискателям. Сальери и Моцарту.

В кабачках каждый вечер собирались темпераментные знатоки всего самого музыкального в Вене.

— Да... ваш этот Моцарт... вообще... неизвестно кто!

— А ваш этот... Сальери... тайный агент Ватикана!
Подчас дело доходило до легких потасовок.

Комитет по проведению конкурса собирался раз в неделю. По понедельникам. В кабинете директора императорского театра. Возглавлял комитет сам граф Розенберг.

Император Иосиф II отказался от столь почетной миссии. Еще два года назад комедия Бомарше повергла

в шок всю французскую аристократию. И когда Сальери предложил для конкурса именно ее, Иосиф II был крайне удивлен.

— «Свадьба Фигаро»?! Разве возможно из пустой и безнравственной истории создать нечто... нечто возвышающее?

— В этом в сложность задачи! — возразил Антонио. — Сделать непристойное пристойным, под силу только подлинному таланту!

Антонио был единственным при дворе, кому позволялось иметь собственное мнение. Он довольно часто возражал императору, даже спорил с ним. И в этом случае, он стоял на своем.

— Полагаюсь на ваш вкус... — пробормотал Иосиф II, всем видом давая понять, в случае провала, он ни при чем.

Именно этого и добивался Антонио.

Медлительный крот Ригини безнадежно опаздывал к назначенному сроку. Его уже никто не брал в расчет. Когда до утверждения оставалось меньше недели, Михаэль Гайдн навестил обоих претендентов. Сначала Вольфганга, в его скромной квартирке на окраине города.

Но Вольфганг даже не поднял головы от нотных листов, в беспорядке рассыпанных по всему столу. Михаэль просмотрел большинство из них, стараясь не нарушить, одному Вольфу известный порядок. Поболтал несколько минут с Констанцией, сделал ей пару комплиментов. И отбыл в центр Вены.

Сидя в просторном кабинете, в удобном кресле, Михаэль долго и подробно знакомился с почти законченной партитурой Сальери. Антонио едва дождался, когда Михаэль, наконец, отложил листы в сторону.

— Как наш юный друг? — с тревогой в голосе спросил он.

— Вас совсем не интересует собственное сочинение? — изумился Михаэль.

— Меня интересует Моцарт.

— Ну... если учесть... вкус императора...

— Говорите же... ради Бога! — взорвался Антонио.

— Не знаю, обрадует вас или огорчит. Словом, шансы на успех у вас обоих... равны!

Лицо Антонио приняло странное выражение. Будто, он внезапно остановился в одном шаге от пропасти. Долгое время он стоял, повернувшись спиной к Михаэлю.

— Это худшее... из всего, что могло случиться! — произнес Антонио, наконец, своим глухим голосом.

Встреча друзей на этом закончилась.

За весь день Антонио не проронил ни слова. Напрасно терпеливая Тереза пыталась разговорить его, отвлечь, даже приготовила какое-то немислимое итальянское блюдо, Антонио не притронулся в еде. Поцеловал жену в лоб и увел в кабинет.

Стояла глубокая безветренная ночь,
Антонио подошел к окну и настежь распахнул его.
Огромная луна заливала весь город серебристым

светом. Ни шороха, ни звука... Казалось, весь мир замер в напряженном ожидании.

И Антонио совершил невероятное!

Он сделал то... на что способен только подлинно благородный человек. И мало кто способен оценить.

Антонио зажег свечи, вел к столу и недрогнувшей рукой вычеркнул из своей партитуры самые удачные, самые яркие куски. Потом небрежно вписал нечто, повторяющее его самого, десятилетней давности... Партитура оперы утратила всю привлекательность. Это бросилось бы в глаза даже любителю. Заурядная ремесленная поделка!

Антонио подошел к зеркалу. Он смотрел на свое отражение и не видел его. Тяжелый взгляд был устремлен сквозь лицо... куда-то дальше. В его ушах звучала музыка, с которой он только что распрощался.

«Прости меня, Господи!» — беззвучно шептали его губы. «Ты все видишь. Все понимаешь. Все простишь!..».

Последний раз комитет собрался в традиционный понедельник. Присутствовали: граф Розенберг, Сальери, Гайдн и еще несколько незначительных личностей.

Глюк отсутствовал по причине своей глубокой старости. Моцарт отсутствовал по причине беременности жены. Уже подходил срок, и Вольф не отходил от Констанцы ни на шаг. Ригини отсутствовал без всякой причины. Просто не пришел и все.

Мнение всех выступавших /кроме Гайдна!/, было единодушным. Даже голосования не потребовалось. Безусловная победа Моцарта.

Сальери принял это решение абсолютно спокойно. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Розенберг поблагодарил всех за проделанную работу и выразил надежду, в самом скором времени встретиться на премьере оперы.

Сальери уже садился в карету, когда подбежал запыхавшийся Михаэль и схватил его за руку.

— Что случилось, друг мой? — удивленно вскинул брови Антонио.

— Вы добровольно уступили свое первенство?! — потрясенно начал Михаэль, — Я читал другой вариант вашей партитуры...

— Молчите! — резко прервал его Антонио, — И никогда не вспоминайте... Если вы мне друг, молчите!

Антонио захлопнул дверцу и карета стремительно покатила по узким венским удочкам. Редкие прохожие в испуге сторонились, и прижимались к домам. Михаэль стоял в растерянности.

Как снег на голову, в Вене объявилась... Алоизия. Разумеется, не одна. Но вовсе не с блистательным усатым офицером. Где-то там... Алоизия вышла замуж за актера Иозефа Ланге. Стало быть, называлась она теперь, «госпожа, Алоизия Ланге». Не иначе.

Алоизия мгновенно сориентировалась и присоединилась к... ярым противникам «Фигаро» Моцарта! Вот так! О-о, женщины... Ее певческие амбиции, за время вынужденного отлучения от театра, возросли многократно. По всей Вене Алоизия трезвонила, что плавная роль Сюзанны написана с нее, для нее, во имя нее. И так далее. И только одна она

способна спеть эту партию. Разумеется, если слегка улучшить. Сократить, изменить и тому подобное. Когда до Вольфганга дошли эти слухи, он только помотал головой.

«Чего хочет женщина, того хочет Бог!». Не иначе, этим принципом руководствовалась Алоизия, когда всеми кривдами-неправдами добивалась главной роли в «Фигаро». И добилась!

Неизвестно, какие такие чары пустила она в ход, но сам Иосиф II сообщил Розенбергу, что есть мнение!, давать молодым актрисам дорогу. И пообещал лично посетить премьеру.

Алоизия появлялась в театре только с мужем. Демонстративно ходила с ним под ручку и обращалась ко всем только через него.

—Иозеф! Скажи господину дирижеру, он глухой...

— Иозеф! Передай этой госпоже актрисе, ее уволят...

Труппа подобралась самая пестрая, языкастая. По театру тут же пошли гулять шуточки, вроде... «Не так страшен Иозеф, как его малютка!», «Курица не птица, Ланге не певица!», и так далее. И тому подобное. Словом, сложилась здоровая, нормальная, творческая атмосфера. Репетиции шли свои ходом.

Премьера «Фигаро» надвигалась на Вену с неотвратимостью прихода весны. И с теми же последствиями. Дамы готовили новые наряды и изобретали немислимые прически. Кавалеры

приводили в порядок мысли и планировали послепремьерные романы. Птицы пели значительно звонче. И даже лавочники, без всяких экономических причин, резко снизили цены.

«Ма-а-ма-а!» — кричала бедная Констанца, корчась от боли, разрешаясь своим первенцем.

«Господи-и!» — шептал бедный Вольфганг, не зная, куда спрятаться от беспомощности и страха.

«Браво-о!» — кричала венская публика, рукоплеская и приветствуя рождение «своего» Фигаро.

Перед театром скопилось целое стадо карет. В вестибюле, и партере в глазах рябило от красок, покровов и стилей одежды. Создавалось впечатление, это не премьера, показ мод из Парижа.

Император прибыл с многочисленной свитой. Представление никак не могли начать. Публика в партере и на галерке переговаривалась, смеялась. Некоторые переходили с места на место.

Император поднял руку, призывая к тишине, и спектакль начался.

Вольфганг бродил за кулисами, натываясь на все углы и на снующих туда-сюда работников театра. В ушах у него звучала дикая какофония из плача, только что родившегося младенца, мелодий «Фигаро», всхлипываний Констанцы и каких-то новых, ему самому еще незнакомых мелодий. Он едва дождался первого антракта, быстро вышел в вестибюль, чтоб случайно не

встретиться с ведущей актрисой, премьершей, госпожой Алоизией.

Околотеатральные девицы соревновались, которой из них удастся вlepить больше поцелуев безотказному Вольфгангу. Счет вел уже на десятки.

— О, боже! Как бы я хотела... — храбро заявила самая молоденькая, в малиновом платье, когда Вольфганг вырвался от них.

— Я тоже... — задыхаясь, прошептала другая, в платье цвета морской волны.

— Попрошу не забывать! — рассердилась третья, в зеленом, с большим вырезом. — Вы обе... poznали Моцарта позже меня!

В курительной комнате «знатоки» перекидывались короткими репликами. Настороженно выясняли мнения.

— Абсолютное повторение «Похищения из сераля»! — заявил самый категоричный, толстый и вечно раздраженный молодец человек с бородкой. — Одно яйцо не высидишь дважды!

— Ни одной новой мелодии! — поддержал его худой и вызывающе бледный молодец человек. Говорили, он пользовался белилами.

— Если быть до конца честным, — подключился третий, с красными, выпученными глазами, — Моцарт исписался!

На том и порешили. Мнение элиты было выработано. Когда в конце спектакля упал занавес, среди криков «Браво!» и аплодисментов, раздавались

свистки и шиканье. Мнение публики Вены, по-прежнему, делилось на две противоположности.

Была уже ночь, когда Вольфганг, проходя мимо подвального кабачка, увидел поразившую его картину. Вернее, сначала услышал... Все посетители, мастеровые и портнихи, грузчики в повара, сиделки в чиновники, сдвинув столы и обнявшись за плечи, раскачивались и пели на весь квартал: «Мальчик резвый... кудрявый... влюбленный...». Поскольку дальше слов никто не знал, пели просто, «Ла-ла-ла, ла-ла-да, ла-ла-да-ла-а!».

Вольфганг стоял, как загипнотизированный. Жадно вслушивался. Будто слышал в первый раз. Будто не он сочинил эту мелодию.

Вольфганг был по-настоящему счастлив. Подобное ощущение он испытывал только в далеком теперь, беспечном детстве.

Следующие два года прошли под знаком стремительного падения интереса к Моцарту. Будто злой рок на каждом шагу выбивал почву из-под ног Вольфганга.

«Фигаро» с триумфом шел по всей Европе... Прага, Варшава, Бонн, Лейпциг... И только в Вене публика отнеслась к опере прохладно. Словом, после восьми представлений спектакль был снят с репертуара.

Перестали поступать приглашения из музыкальных салонов. О концертах в садах и парках говорить тоже не приходилось. Уже надвигалась холодная зима. Одна из последних.

Вольфганг, стиснув зубы, попытался изменить ситуацию. Заложил и перезаложил фамильное столовое серебро, но... увы!, кольцо долгов сужалось.

В редакцию центральной венской газеты в конце рабочего дня зашел странный человек. Весь в черном. Редактор Бунц удивленно вскинул брови. Черный плащ, черная шляпа, черный шарф закрывал почти все лицо. Но Бунд привык к неожиданностям.

— Чем могу... — доброжелательно начал он.

Незнакомец присел на стул и положил перед ним несколько листов. Бунц пробежал главами текст. Статья! О... музыке?! Бунд уныло вздохнул, отрицательно помотал головой. Незнакомец поставил на стол столбик монет. Довольно внушительную сумму. Бунц пересчитал деньги, заметно повеселел.

Статья в центральной газете вышла уже через пару дней. Под заголовком «Кто боится Вольфганга Моцарта?». Более скандальной публикации Вена еще не знала. Безымянный автор направо в налево раздавал публичные пощечины... элите. Назывались даже конкретные фамилии столичных снобов, не оценивших по достоинству гениальную оперу.

Оскорбленные требовали провести немедленное расследование. И судить безымянного автора. Редактор Бунц отбивался как мог. Клялся и божился, что не знает имени автора. Даже не может описать его внешность. Элита не унималась. Скандал разгорался и ширился, захватывая все новые слои населения.

Самое печальное, это ничуть не прибавило популярности Вольфгангу. Скорее, наоборот. В пылу

полемики, взаимных оскорблений, его имя попросту забывалось. Так бывает. Предмет спора отходит на второй план. На первый выходят оскорбленные самолюбия.

Михаэль Гайдн спешил навестить семью Моцартов, потому без стука распахнул дверь в их маленькую квартиру.

Констанция и Вольфганг в обнимку танцевали по комнате и весело хохотали. Михаэль долго стоял пораженный. Парочка не обращала на него ни малейшего внимания.

— Кто кого обучает танцам? — полюбопытствовал он.

— Согреваемся. Дрова нынче дороже хлеба! — смеялась Констанция, влюблено глядя на мужа.

— В движении счастье, дорогой мой! Только в нем! — говорил, задыхаясь, Вольфганг, — Кто остановился, тот... памятник!

— Мне это не угрожает! — усмехнулся Михаэль.

В предместье Праги в зарослях плюща стоит маленький белый домик. Здесь, у своих знакомых, супругов Душек, Вольфганг и Констанца провели лучшие месяцы своей жизни.

Игра в кегли, бесконечные чаепития, разговоры на свежем воздухе, постоянные розыгрыши, смех... И конечно, работа! Вольф ни на минуту не прекращает работу над «Дон Жуаном».

Дни, недели пролетают, как ставя вспорхнувших птичек. Окружающим кажется, будто Вольфганг так же

легко, играючи, как сбивает кегли, пишет самую великую свою оперу. Только преданная Констанца знает, Вольфганг вообще не спит по ночам, склонившись над нотными листами. Чтоб не уснуть, он просит рассказывать ему сказки. И сонная Констанца ходит взад-вперед по комнате и рассказывает ему... о Золушке, про Али-бабу с сорок разбойников. А Вольфганг пишет, пишет, пишет...

С большим опозданием приходят в Прагу вести из далекого Зальцбурга. Смерть отца Леопольда и скоропалительное замужество Нерл. Но Вольфганг не может вырваться, ни на один день. Таковы условия контракта.

Отец Леопольд так и не простил сыну самовольную женитьбу. Так и не увидел триумфа в Вене. Его просто не было. И больших денег, обеспеченности, о которой мечтал Леопольд, тоже не было.

Нерл! Изящная, тонкая... Увы! Превратилась в сухую, черствую особу. Романтизм и легкость характера исчезли под напором тупой, однообразной жизни. Нерл вышла замуж за вдовца, вдвое старше ее. Взвалила на себя обязанности по большому хозяйству. И больше ни разу в жизни не подходила к клавесину.

Премьера в Праге превзошла все ожидания. «Дон Жуана» дирижировал сам автор. Одно это внесло в спектакль особую неповторимость. Когда закончился последний акт и занавес упал, несколько секунд стояла оглушительная тишина. Затем раздались дружные аплодисменты. Они все нарастали и нарастали...

Двое актеров вывели под руки Вольфганга на самую авансцену. Он стоял в одиночество. Маленький, худенький мальчик... Вольф. В свои тридцать пять лет он и выглядел таким. В нескладном камзоле, в белом парике, чуть сбившимся набок. Из конца партера и тем более с галерки трудно было разглядеть выражение его лица...

Аплодисменты все нарастали. Они уже перешли в бурную овацию. Сотрясали здание театра... Казалось, аплодирует вся Прага...

Констанция сидела в ложе вместе с супругами Душек. Она не могла аплодировать, ее душили слезы.

Поздним вечером Вольфганг и Констанция сидели на лавочке в саду, любовались закатом. Последние лучи солнца медленно исчезали за соседним лесом.

— Я счастлива! — тихо прошептала Констанца.

Вольфганг не ответил. Широко раскрытыми глазами он следил за последним лучом солнца... Вот в он... погас...

На предместье Праги опустились сумерки.

Вена встретила Вольфганга и Констанцу традиционным дождем. Все было неуютно, мокро, серо. Такими же серыми были лица всех прохожих, знакомых. Необходимо было опять впрягаться в бесконечную борьбу за выживание...

Нищета костлявой рукой намертво вцепилась в горло Вольфа. Домовладелец грозит подать в суд и со скандалом выкинуть на улицу семью. Кредиторы устроили настоящую охоту. Постоянные недомогания

Констанцы и болезни ребенка могут свести с ума. И Вольф снимает для работы каморку на другом конце города.

В каморке темно, сыро, холодно. Убогая свеча едва светит. Больше коптит. Маленькое зеркальце на цепочке запотело и совсем не дает бликов. По стенам бегают гигантские, уродливые тени. Они словно колышутся на ветру, хотя тот завывает на улице.

Вольфганг сосредоточенно пишет. «Волшебная флейта» уже близка к завершению. Только никак не дается увертюра.

«Черный человек» появился внезапно. Бесшумно возник перед столом. Черная шляпа, надвинутая на самые глаза, черный плащ, черный шарф, закрывающий почти все лицо. Вольфганг вздрогнул.

— Что вам угодно?

«Черный человек» молча сел на стул, протянул конверт.

Вольфганг развернул письмо, быстро пробежал глазами. Заказ на... Реквием! Заупокойная обедня! Срок исполнения и цена... во усмотрению господина композитора. Без подписи.

— Кто вы? — прямо спросил Вольфганг. Незнакомец отрицательно покачал головой.

— От кого пришли?

Опять отрицательное покачивание головой.

— Я вынужден отказаться! — решительно заявил Вольфганг.

Тогда незнакомец наконец заговорил. Голос был знакомый, чуть глухой, надтреснутый. Вольфганг никак не может вспомнить, где?.. когда?.. он слышал его.

— От инкогнито.

Определенно Вольфганг уже слышал этот голос. И не раз. Проклятая темнота! Лица не разглядеть, видны только глаза.

— Сколько времени вам понадобится? — спросил незнакомец. Вольфганг пожал плечами.

— Около... трех... недель...

«Черный человек» кивнул и поднялся со стула.

— Какой гонорар потребуете? — опросил он глухим голосом.

Вольфганг назвал сумму, по его мнению, очень значительную. В надежде, что «черный человек» откажется. Не тот вынул кошелек и положил на стол в два раза большую сумму. Монеты столбиком возвышались над оплывшей свечой.

— Это задаток! — глухо оказал незнакомец. И уже отойдя от стола, добавил. — Столько же... по завершении.

Вольфганг перевел взгляд на столбик монет. Устало прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Вполне хватит, чтоб отдать долги, купить новую обувь Констанце и мальчику... и некоторое время существовать.

Когда открыл глаза, «черного человека» уже не было. Он словно растворился в черной мгле.

Заупокойная обедня?.. Таинственный знак, что настала пора собираться в... дальний путь... Даже внимательная Констанца не подозревала, до какой степени болен Вольфганг. Никто не знал...

Мысли о скорой смерти не раз приходили ему в голову. Но относился к этому он довольно спокойно. С

мудростью простоте крестьянина, труженика. «Бог дал, Бог взял!». Но пока...

... пока есть силы, пока изнуряющая болезнь окончательно не свалила с ног... надо еще многое успеть! Многое сделать!

И Вольфганг опять пододвинул к себе нотные листы.

В один из таких пасмурных дней к Вольфгангу появился Михаэль. С каким-то угрюмым молодым человеком лет шестнадцати.

— Вот! — проникновенно произнес Михаэль. — Тот самый молодой человек. Помните, я говорил о нем...

Вольфганг не помнил. Слишком занят был «Волшебной флейтой», самочувствием Констанцы, угрозами кредиторов...

— Он великолепно играет на фортепьяно, на органе, на скрипке, на альте... Людвиг ван Бетховен.

Юноша первым протянул руку и Вольфганг чуть не вскрикнул. Настолько сильным было его рукопожатие. Лицо юноши было словно высечено из камня. Грубые, резкие черты. И голое звучал как-то... гортанно. Вдобавок он еще в сутулился.

Стоило юноше заиграть, как Вольфганг убедился, что у него нет никаких перспектив, как у исполнителя. Слишком груб, резок в вызывающе неотесан.

— Людвиг играет на органе! — пояснил Михаэль. — Он ведь служит в церкви. Клавесин не его стихия.

— Я заметил... — поморщился Вольфганг.

— Но вы беретесь его обучать? — настаивал Михаэль.

— Приходите через неделю, посмотрим...

Угрюмый Людвиг открыл, было, рот, но Михаэль опередил его.

— Его больше интересует искусство композиции, нежели исполнение. Людвиг считает, только сочинительство... достойное дело для настоящего мужчины.

— Признаться, он прав... Надеюсь, встретимся.

Но встретиться им больше не довелось. Ученик не явился ни через неделю, ни через месяц. Молодой Людвиг ван Бетховен нашел другого учителя. Антонио Сальери.

Любимый трактир «Серебряная змея». Именно здесь Вольфганг познакомился со своим последним и самым преданным другом. Отставным солдатом Дайнером. Простой, необразованный и грубоватый человек, ничего не смысливший в музыке, Дайнер в первую их встречу был просто ошеломлен. Вот этот... худой, маленький и болезненный молодой человек в поношенном камзоле и есть... самый знаменитый, гениальный композитор... Вольфганг Амадей Моцарт!

Служивший привратником, Дайнер был абсолютно убежден. Все великие люди живут в сытости и богатстве. Окружены роскошью и почтением. А тут...

Дайнер долго приглядывался к Моцарту, прежде чем осмелился подойти к его столику.

К его великому изумлению, Моцарт оказался на редкость прост.

— Присаживайтесь, приятель! Как жизнь? — весело спросил он.

— Все течет... — неопределенно ответил отставной солдат.

— Все течет и ничего не меняется! — заключил Моцарт.

— Я имел ввиду.. . хозяйскую крышу... А вы о чем?

Музыкант Моцарт и привратник Дайнер несколько секунд изучающе смотрели друг другу в глаза. Потом весело рассмеялись.

До самых последних дней Дайнер будет опекать Вольфганга. Помогать Констанце по хозяйству, ездить с ней осенью закупать дрова, играть с ребенком, маленьким Вольфгангом. Иной раз он будет незаметно подсовывать Констанце в кошелек несколько монет из своего привратницкого жалования.

И Дайнер будет одним из очень немногих, кто пойдет за гробом бедного Вольфганга до самых ГОРОДСКИХ ВОРОТ...

Вольфганг Амадей Моцарт скончался 5 декабря 1791 года.

Вольфганг умер тихо и незаметно. Как его мать Анна Мария. Михаэль Гайдн был в отъезде. Узнал о случившемся много позже. Когда все уже произошло. Констанция тяжело болела и тоже не могла быть рядом. Сама лежала в постели в пансионе мамыши Вебер.

За Вольфгангом ухаживал только привратник Дайнер. Как мог. И маленькая Софи. Она была

последним живым существом, которое видел Вольфганг в этой жизни.

Похороны прошли по третьему разряду. Самому скромному. Два похоронщика погрузили гроб на повозку и медленно покатали по городу. За гробом шли...

... Антонио Сальери, вскинув голову... Лицо его было бледным...

...ковылял на костыле отставной солдат Дайнер...

... семенила, всхлипывая, маленькая Софи...

...пошатывались два каких-то пьяных актера...

Погода была отвратительная... Холодно, сыро. Когда процессия прошла полпути, вдруг... повалил снег... Завыл ветер, поднялась настоящая буря...

Первым отстал... хромающий солдат Дайнер...

Затем Софи... очевидно, испугавшись урагана и темноты...

Растворились в пурге два пьяненьких актера...

До самого городского вала шел только.... Антонио Сальери...

Там, где кончался город и уже начинались жалкие лачуги бедноты, похоронщики остановились. Увидев, что за гробом идет только один человек, сами вскочили на повозку и погнали лошадь. Повозка скрылась в снежной метели...

При всем желании, Антонио не мог пешком угнаться за ними...

Почти никто в равнодушной Вене и не заметил этого события. Как и прежде, экономки переругивались с лавочниками, чиновники спешили в свои конторы, няни выгуливали детей в садах и парках.

Гром грянул через несколько дней...

Из театрального закулисья по всему городу поползли слухи. Грязные. Нелепые. Уродливые.

— Слышали?.. Этот самый... Моцарт умер...

— Болел, говорят... Страшно болел...

— Мне доподлинно известно, умер не по болезни... Отравили... Даже известно, кто именно...

— Не может быть...

— Исключительно из зависти...

— Кто, жена?

— Причем здесь... жена... Она и не знала ничего... Сальери... Он и отравил... Исключительно из зависти... Доподлинно известно...

Как навозные мухи... слухи... сплетни... Кружились по городу... разлетались, множились...

Когда набожной Терезе стало известно... В ЧЕМ?!, подозревают ее мужа, она упала в обморок...

Антонио заперся у себя в кабинете и никого не принимал. Даже самый близкий друг Михаэль, вернувшись из поездки, не мог попасть к нему. Когда же они, наконец, встретились, Михаэль не узнал Антонио...

Тот стал совсем седым.

Пройдут годы, и судьба все-таки наградит Антонио Сальери. Он выполнит свое предназначение в этой

жизни. Воспитает и выпустит в жизнь сразу двух композиторов. Бетховена и Шуберта.

И в этом найдет свое утешение.

Даже простое перечисление всего написанного Вольфгангом Амадеем Моцартом потребует множества страниц. О каждой из его опер исследователями написаны тома.

Он сумел ухватить рукой луч солнца и наполнить его светом свои произведения. Именно потому они будут звучать вечно, пока светит солнце, пока испускает на землю живительные лучи.

Маленький Вольфганг возился на полу... Играл с зеркальцем на цепочке... Пускал солнечные зайчики... По стенам, по потолку... Заметив в кресле мать, направил ей в лицо луч солнца. Констанца вздрогнула... улыбнулась и заслонила лицо ладонью. На глазах у нее появились слезы. Что неудивительно... Яркий солнечный свет больно режет глаза...

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex. ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет — 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!